

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

М. Лермонтов

Михаил Юрьевич Лермонтов

Беглец

(горская легенда)

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у сопостата
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течет и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку – и бежит!

И скрылся день; клубясь туманы
Одели темные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой!..

Усталый, жаждою томимый,
С лица стирая кровь и пот,
Гарун меж скал аул родимый

При лунном свете узнает;
Подкрался он, никем незримый...
Кругом молчанье и покой,
С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришел домой.

И к сакле он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе мучимый недугом
Один, – он, молча, – умирал...
«Велик аллах, от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!»
«Что нового?» – спросил Селим,
Подняв слабеющие вежды,
И взор блеснул огнем надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.
«Два дня мы бились в теснине;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пустыне
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,
Я шел безвестными тропами

По следу вепрей и волков;
Черкесы гибнут – враг повсюду...
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
Я до могилы не забуду!...»
И умирающий в ответ:
«Ступай – достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословленья
Здесь у меня для труса нет!...»

Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрек,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.

И саклю новую минуя,
На миг остановился он,
И прежних дней летучий сон
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело;
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним;
И он подумал: я любим;
Она лишь мной живет и дышит...
И хочет он взойти – и слышит,
И слышит песню старины...

И стал Гарун бледней луны:

«Месяц плывет

Тих и спокоен,

А юноша воин

На битву идет.

Ружье заряжает джигит,

А дева ему говорит:

Мой милый, смелее

Вверяйся ты року,

Молися востоку,

Будь верен пророку,

Будь славе вернее.

Своим изменивший

Изменой кровавой,

Врага не сразивши,

Погибнет без славы,

Дожди его ран не обмоют,

И звери костей не зароят.

Месяц плывет

И тих и спокоен,

А юноша воин

На битву идет.»

Главой поникнув, с быстротою

Гарун свой продолжает путь,

И крупная слеза порою

С ресницы падает на грудь...

Но вот от бури наклоненный
Пред ним родной белеет дом;
Надеждой снова ободренный,
Гарун стучится под окном.
Там, верно, теплые молитвы
Восходят к небу за него;
Старуха-мать ждет сына с битвы,
Но ждет его не одного!..

«Мать – отвори! я странник бедный,
Я твой Гарун, твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно
Пришел к тебе!»

– «Один?»

– «Один!»

– «А где отец и братья?» —

– «Пали!»

Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли».

– «Ты отомстил?»

– «Не отомстил...»

Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою...»

«Молчи, молчи! гяур лукавый,
Ты умереть не мог со славой,

Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус – и мне не сын!..»
Умолкло слово отверженья,
И всё кругом объято сном.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго под окном;
И, наконец, удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидала...
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес,
И кровь с его глубокой раны
Лизал рыча домашний пес;
Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.
Душа его от глаз пророка
Со страхом удалилась прочь;
И тень его в горах востока
Поныне бродит в темну ночь,
И под окном поутру рано
Он в сакли просится, стуча,
Но внемля громкий стих Корана,
Бежит опять, под сень тумана,
Как прежде бегал от меча.

Примечания

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, 227-а (тетрадь Чертковской библиотеки), лл. 57—58 об.

Впервые с некоторыми искажениями поэма опубликована в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (ч. II, 1846, стр. 154—158).

Датируется концом 30-х годов. Поэма могла быть написана лишь после 1837 года, когда Лермонтов побывал на Кавказе, узнал быт и нравы горцев, познакомился с черкесскими легендами и сказаниями. Как раз в 1837 году в VII томе «Современника» появилась и неоконченная поэма Пушкина «Тазит» (напечатанная под заглавием «Галуб»), знакомство с которой сказалось на разработке сюжета «Беглеца». П. А. Висковатов, ссылаясь на А. П. Шан-Гирея, утверждает, что поэма была написана «не позднее 1838 г.» (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 2, стр. 302). Видимо, песню или легенду на сходный сюжет Лермонтов слышал на Кавказе. В книге путешественника Тетбу де Мариньи «Путешествие в Черкесию» (Брюссель, 1821) есть упоминание о черкесской песне, содержащей «жалобу юноши, которого хотели изгнать из страны, потому что он вернулся один из экспедиции против русских, где все его товарищи погибли».

Песня «Месяц плывет...» в несколько измененном виде перенесена в эту поэму из «Измаил-Бея».